

Военная лексика фронтовых очерков А. П. Гайдара

© А. Ю. АСТАФЬЕВ,
кандидат филологических наук

В статье рассматриваются особенности использования слов военной тематики в системе выразительных средств авторского языка А.П. Гайдара.

Ключевые слова: военная лексика, образность, художественная выразительность, сравнение, звукопись, зрительная представляемость.

The article is concerned with the specific usage of military words which is considered to be expressive units of the author's language.

Key words: military lexicon, figurativeness, art expressiveness, comparison, taking down/record, visual representation.

Фронтовые очерки А.П. Гайдара являют собой интересный и недостаточно изученный материал, особенно с точки зрения их выразительности. Описание фронтовых реалий невозможно без привлечения

военной лексики, однако ее использование может затруднять понимание смысла читателем. Поэтому адаптация специальных слов для читателя должна сопровождаться либо их полной или частичной заменой (что неизбежно приведет к искажению смысла), либо привлечением выразительных средств, позволяющих зримо представить изображаемое. Гайдар, как военный писатель, умело использует выразительные средства при обрисовке реалий фронтового быта.

Образность обретает в его текстах особую значимость при изображении видов оружия: «...увидел неподалеку замаскированный бугор *дзота*, из темной щели которого торчал ствол коренастой пушки» [1. У переднего края. Курсив здесь и далее наш. – А.А.]. Военно-терминологическое наименование (*дзот* – дерево-защитная огневая точка) сопровождается словом *бугор*, позволяющим ярче представить этот объект. С помощью олицетворения изображено и орудие: пушке дается определение *коренастая*.

Интересные данные приводит А.Н. Кожин: «...в текстах той поры прослеживается тенденция равноправного употребления составных наименований и их эквивалентов, что в какой-то мере можно объяснить ... стремлением вести изложение в направлении максимального приближения к среде, к речевой атмосфере, которая определяла характер фронтовой жизни...» [2. С. 210].

Стилистически подчеркнутая ирония в изображении реалий военного быта сквозит, например, в таком контексте: «Разрешите, товарищ старшина, обратиться к вопросу неофициальному! Котелок, который имеет все попадания от полутонной фугасной бомбы, вследствие сжатия образует трещины, а также различные дыры...» [Мост. С. 333]. Нарочитое указание на мощь бомбы, которая причинила ущерб только котелку – это насмешка над тщетными усилиями врага.

Романтический ореол вокруг реалий боевой обстановки тоже обыгрывается автором и имеет свое художественное назначение: «Голубоватым огоньком мерцает над волнами яркий циферблат компаса на руке сержанта» [Ракеты и гранаты. С. 347]. Простая вещь (*компас*) обрастает новым ореолом (*голубоватый огонек*), что может восприниматься как цветопись, рождающая ассоциации с *путеводной звездой*. Такие примеры характеризуют Гайдара как мастера художественного сравнения. Так, действие немецких зажигательных снарядов сравнивается со сказочными *огненными змеями*: «Застигнутая врасплох немецкая батарея второпях ударила с пригорка по головной заставе зажигательными снарядами. *Огненные змеи* с шипением пронеслись мимо» [У переправы. С. 329]. Изображение залпа вражеской батареи, который не причиняет вреда, сочетается со звукописью (*с шипением пронеслись мимо*) и олицетворением (*батарея ударила*). Грозный ореол немецкого оружия

нарочито снижается определением *застигнутая врасплох* и окончательно сводится на нет словом *мимо*.

Напротив, залп нашей артиллерии обрисован с привлечением традиционно-фольклорного определения *могучий*: «...*могучий* заградительный огонь батареи» [Там же. С. 332].

Сравнения оттеняют те моменты описания, которые другие выразительные средства показать не могут. К этому приему автор обращается часто, однако сравнение всегда подразумевает сопоставление, которое должно отличаться особой точностью: «Через пять минут огневой шквал с обеих сторон, как обрубленный, смолкает» [У переднего края. С. 343]. Внезапное прекращение артобстрела, оттененное оборотом *как обрубленный*, обладает важной экспрессией, потому что сочетание *шквал смолкает*, являющееся основой предложения, без такого сравнения может восприниматься неверно. Гайдару важно подчеркнуть значимость того, что *шквал* именно *смолкает*, а не *прекращается*.

В примере «...узкий, как жало, пулемет “ДС”...» [Там же. С. 345] сравнение имеет скрытый смысл (*жалить врага пулями*), что видно в расширенном контексте: «...может выпустить через амбразуру от семисот до тысячи пуль в одну точку из одного ствола в одну минуту» [Там же].

Сравнение реализуется и в таком примере: «Вдруг *красной змейкой*, показывая направление, вспыхивает брошенная сержантом ракеты» [Ракеты и гранаты. С. 349]. Световой след, оставленный ракетой, уподобляется *красной змейке*, и это содействует зрительной образности. Данный контекст вообще отличается смысловой емкостью: внезапность действия отражена словом *вдруг*, есть светопись: *вспыхивает*, указание на цвет: *красной змейкой*.

Звукопись для усиления выразительности может содействовать более цельному представлению изображаемого. Слияние различных звуков отражается в таком предложении: «Раздается гром, потом вой, затем оглушительный треск моторов сливается с треском немецких автоматов» [Там же]. Резкость звуков, усиливаемая словом *оглушительный*, представлена как нечто беспорядочное, хаотичное, так как исходит от врага. Шум двигателей и звуки выстрелов сопровождаются *треском*. Слово *треск* употреблено в значении «сильные отрывистые звуки от коротких резких ударов, стука и т.п.» [3]. В контексте эта отрывистость может быть ассоциирована с несогласованностью действий врага. В расширенном контексте слово *треск* встречается пять раз.

Однако звукопись отражает и семы величественности, в таком, например, отрывке: «Мины... О них уже много писали. Писали, что они режут, воют, гудят, похрапывают. Нет! Звук на полете у мины тонок и мелодично-печален. Взрыв сух и резок. А визг разлетающихся осколков похож на мяуканье кошки, которой внезапно тяжелым сапогом

наступили на хвост» [У переднего края. С. 343]. Глаголы *ревут, воют, гудят, похрапывают* характеризуют динамичность действия и представляют звуки общо. Краткие прилагательные *тонок, мелодично-печален, сух, резок* точнее изображают признаковую сторону. Имена существительные реализуют сравнение (*визг – мяуканье*), благодаря чему слуховое восприятие наделяется конкретным звучанием.

Военная лексика воспринимается как единое целое с образной структурой текста, не вычленяется из нее, а, напротив, способствует более верному пониманию смысла. По мнению А. Н. Кожина, «содержание военного слова доводится до широкого круга читателей конкретизацией обозначаемого, реализуемой в образных представлениях» [2. С. 25–26].

Военная лексика во всех произведениях Гайдара о войне служит созданию достоверности и экспрессии изображаемых картин Великой Отечественной войны.

Литература

1. *Гайдар А. П.* Собр. соч. В 3 т. М., 1986. Т. 3. С. 342. Далее указ. только стр.
2. *Кожин А. Н.* Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 210.
3. *Словарь русского языка.* В 4 т. М., 1985–1988. Т. 4. С. 720.

Серпуховский колледж